

В. В. Подопригора

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

5812_m@ngs.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕКЛАРАЦИИ В ЛЕТОПИСИ ВОЛЫНСКИХ МОНОМАХОВИЧЕЙ

Статья посвящена анализу авторской декларации в Летописи Волынских Мономаховичей, входящей в состав Ипатьевского летописного свода, где перечислены различные хронологические системы и упоминается Евсевий Кесарийский. Интерпретация этого фрагмента долгое время вызывала затруднения у исследователей. А. С. Орлов, пытавшийся выявить источники хронографических цитат в Ипатьевской летописи, считал источником знакомства летописца с именем Евсевия и системами хронологии Хронику Иоанна Малалы. В результате анализа ссылок на Евсевия у Малалы установлено, что эта хроника (либо основанная на ней компиляция) не могла служить единственным источником знания автора Летописи о трудах Евсевия. Иоанн Малала приписывает Евсевию только традиционный богословский метод хронологии через уподобление шести лет творения мира тысячелетиям ветхозаветной истории. Предложена историко-литературная интерпретация обращения автора Летописи Волынских Мономаховичей к авторитету Евсевия Кесарийского. Оно связано с пониманием автором жанрового своеобразия создаваемого им произведения. Автор, в распоряжении которого были как письменные, летописные, источники, так и воспоминания волынского князя Владимира Васильковича, сознательно выбрал для своего сочинения жанровую форму истории. Обращение автора к классическому и для Запада, и для Руси наследию Евсевия свидетельствует о единстве традиции средневековой хронистики.

Ключевые слова: Летопись Волынских Мономаховичей, авторская индивидуальность, жанр, Евсевий Кесарийский.

Проблема жанра третьей части Ипатьевской летописи, посвященной правлению династии Романовичей в Галиче и на Волыни¹, до сих пор остается дискуссионной. В немалой степени этому способствовало преобладание стратификационного подхода, обусловленного большим вниманием исследователей к ее редакционным слоям, нежели ко всему памятнику как целостному литературному произведению. В данной статье будет рассмотрен достаточно частный вопрос, который, тем не менее, оказывается

напрямую связан с авторским пониманием жанра произведения.

Исследователи русского летописания и хронографии (А. С. Орлов, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов, А. А. Пауткин и др.) неоднократно обращали внимание на одно из «темных мест» Ипатьевской летописи: рассуждение о летосчислении и сопутствующую ему апелляцию летописца к авторитету «премудрых хронографов», среди которых автор называет имя Евсевия Кесарийского. Между тем этот фрагмент до сих пор не по-

¹ В историографическом контексте в статье применяются актуальные для предшествующих исследователей наименования (галицкая летопись, третья часть Ипатьевской летописи), когда же памятник анализируется как авторское литературное произведение, мы предпочитаем называть его «Летопись Волынских Мономаховичей».

лучил удовлетворительной интерпретации [Аристов, 2013. С. 120]. Приведем его целиком по Хлебниковскому списку²: «Гронографу же ноужа есть писати все и вся вывшаа: овогда ж писати въ предняя, овогда же въступати в задняя - чтын мудрын разумет. Число же летом zde не писахом, в задняя впишемъ: по Антиохийскимъ съвором³, аломпидам Грыцкими же числьницами, Римскы же высикостом, якоже Овсевии⁴ Памфилово и инни гронографн списаша от Адама до Хр(и)стоса. Вся же лета спишемъ, рочетше в задняя» (Ипат., 820).

А. С. Орлов, наиболее детально проанализировавший библейско-хронографические цитаты в Ипатьевской летописи, источником знания летописца о системах хронологии считал в первую очередь хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы в составе хронографической компиляции галицко-волынского происхождения, составленной

² В целях изучения жанровой специфики произведения и его авторской индивидуальности мы обращаемся именно к Хлебниковскому списку, в большей мере сохранившему первоначальное состояние текста. Цитаты приводятся по опубликованному во втором томе ПСРЛ вариантам Хлебниковского списка. Здесь и далее летописные и хронографические тексты цитируются в орфографии, приближенной к современным нормам.

³ Ипатьевский список дает чтение «**Боромъ**», которое А. С. Орлов исправляет на «**Биромъ**» (т. е. антиохийским сирийцам). Исследователь отвергает толкование, предложенное издателями Ипатьевской летописи 1871 г. Последние предпочитали чтение Ипатьевского списка, толкуя летописное «**Боромъ**» как указание на «антиохийский смешанный способ летосчисления» [Орлов, 1926. С. 107]. Из конъектуры А. С. Орлова выходит, что здесь имеется в виду одна из сирийских систем летосчисления (антиохийская эра Цезаря), отсчитывающаяся от 48 года до Рождества Христова [Болотов, 1907. С. 84]. Однако в таком случае неясно, как автор соотносил антиохийский счет лет с периодом «от Адама до Христоса». Поэтому вполне возможно, что чтение «**съвором**» Хлебниковского списка исправно (т. е. собранное антиохийцами число лет). Такую трактовку подтверждает Слово Исихия на Рождество в составе Изборника 1073 г., где исчисление времени ветхозаветного периода связывается с Антиохией (так называемая антиохийская эра): «...лета по Антиохинемъ отъ създання миру до Христова Рождения .з. (6000) събираеть во ся отъ Адама до Фалека ...» (Изборник 1073, л. 250а).

⁴ В Ипатьевском списке: «**Евсевии**». Начальная «о» отражает диалектные особенности одного из писцов Хлебниковского списка.

около 1262 г.⁵ Из Хроники Малалы, по мнению ученого, летописцу могло быть известно имя кесарийского епископа в форме «**Евсевии Памфилов**» в отличие от «**Памфиличъ**» в русском переводе Амартола [Орлов, 1926. С. 108]. Отсылки к Евсевию во множестве содержатся в первых десяти книгах Хроники Иоанны Малалы⁶. В то же время исследователь отметил, что «все рассуждение 1254 г. о летосчислении следовало бы пересмотреть для уточнения источников» [Там же].

Следуя рекомендации А. С. Орлова, обратимся к тем местам Хроники, где Малала упоминает кесарийского епископа⁷. Ссылки на труды Евсевия встречаются у Малалы в следующих контекстах. В VII книге со ссылкой на Евсевия приводится расчет лет правления Филиппа в Македонии [Истрин, 1994. С. 197], в VIII книге отсылка к Евсевию сопровождает рассказы о победе Октавиана над Клеопатрой и пленении Иерусалима Антиохом Эпифаном [Там же. С. 220, 224]. На Евсевия Иоанн Малала ссылается в X книге, упомянув, что после Петра в Риме епископом стал Аниос [Там же. С. 279], по приводимым в Хронике сведениям Евсевия Христос был распят во время иудейского праздника, в «**праздникъ ихъ**» произошло и третье пленение Иерусалима при Веспасиане [Там же. С. 281].

Во вступлении к X книге Хроники читается рассуждение о расчете лет от Адама до Христа, где упомянут среди других «хронографов»⁸ и Евсевий Кесарийский: «**Евсевии**

⁵ Этот хронографический свод известен под условным названием «Иудейский хронограф», введенным В. М. Истриным для именованного протографа Архивского (РГАДА. Ф. 181. № 3. 279/685 датируется второй половиной XV в.) и Виленского (Библиотека АН Литвы, F19-109/1-3) списков хронографа. А. С. Орлов выдвинул предположение о галицко-волынском происхождении протографа обоих списков. Именно этот хронограф исследователь считал наиболее вероятным источником цитат для галицких летописцев XIII в.

⁶ Здесь он характеризуется как «**Премудрын Евсевии**», «**Евсевии Памфилинскыи**».

⁷ В данном случае мы пользуемся изданием В. М. Истрина «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе, подготовленным М. И. Чернышевой [Истрин, 1994].

⁸ Перечисление в X книге Хроники Малалы открывается отсылкой на наибольший для христианского историка авторитет, Пятикнижие Моисея. Далее следует ссылка на Климента Александрийского, Феодора Студита и др.

же Памфилинский в шестую тысячу лет глаголет и си являшася Спаса Христа по числу шести ден сътворения Адамова. Пред скончанием же шестаго лета, рече, якоже явися на земли Господь и Бог наш Христос избавити род человеческий» [Истрин, 1994. С. 260]. Этим перечнем ограничиваются сведения о Евсевии в том объеме Хроники Малалы, в каком она вошла в состав Иудейского хронографа, т. е. до X книги включительно. Приведенную цитату из Хроники и можно было бы считать источником знания автора Летописи Волынских Мономаховичей о Евсевии Кесарийском. Однако автор нашей летописи явно упоминает о синхронизации систем исчисления времени, перечисляя счет по олимпиадам и високостам и антиохийскую эру. Иоанн Малала в X книге сообщает только о символическом (экзегетическом) методе хронологии Евсевия Памфила, уподоблении шести дней творения шести прошедшим от Сотворения Адама до Боговоплощения тысячелетиям человеческой истории, ничего не упоминая о синхронизации им различных систем хронологии.

К перечисленным А. С. Орловым возможным источникам познаний летописца необходимо также добавить выборку из сочинений самого Евсевия в составе Изборника 1073 г., вероятно, восходящих к его Хронике⁹. Этот комплекс текстов, судя по оглавлению Архивской рукописи, входил в состав ее несохранившегося раздела, «Главы Сборника числомъ» (на л. 724)¹⁰. Здесь именно Евсевием описаны различия систем летосчисления Востока и Запада, упоминаются юлианский календарь и висок-

косты. «Сборник» вполне мог быть доступен работавшему на Волыни летописцу. Так, А. С. Орлов высказывал предположение, что этот «Сборник», имевший в основе Изборник 1073 г., дополненный законодательными главами, возможно, тождествен упоминаемому в летописи «сборнику» князя Василька Романовича (Ипат., 925).

Давно отмечена параллель между началом XVIII книги Хроники Малалы, вошедшей в состав Еллинского летописца, и Ипатьевской летописью [Орлов, 1926. С. 106]. Само по себе использование автором фразы «хронографу же ноужа есть писати» (см. выше), находящей частичное соответствие в тексте XVIII книги Хроники Малалы¹¹, еще не может считаться свидетельством его ориентации на Хронику Малалы как литературный образец. Тем более что в этой декларации автор оправдывает со ссылкой на авторитет «премудрых хронографов» право на свободное изложение исторического повествования («овогда ж писати въ предняя, овогда же въступати в задняя»). Иоанн Малала же рекомендует читателю сверять перечисления царствований с хронологическими исчислениями: «Хронографу ноужда есть писати вси, еликоже есть, кын ѱво царствовал царь, отнележе высть наречен царь. Лепо есть ѱво чтуцему летняя списания количества смотри мимотекущих лет, а не точно от предписанных царствех» [Истрин, 1994. С. 359].

При наличии определенных стилистических параллелей между двумя произведениями, для летописца Хроника, по всей видимости, не выступала в качестве жанрового образца. Так, для построения Хроники Малалы характерно введение хронологических исчислений либо во вступлениях к разделам-книгам, либо в их эпилогах. Намерение автора Летописи Волынских Мономаховичей привести расчеты по окончании

фила Антиохийского и Тимофея. Евсевий Кесарийский упомянут в этом ряду последним.

⁹ В оглавлении Архивской рукописи текст имеет заглавие «Евсевиево о летнихъ». Греческий оригинал см. в Patrologia Graeca [Migne, 1865. Col. 1053–1057]. Здесь изданы извлечения из Евсевия в составе анонимной «Пасхальной хроники» под заглавиями «Ευσεβίου εκ των χρονικων» и «Του αυτου εκ των αυτων». Согласно исследованию М. В. Бибикова, выборка из Хроники Евсевия и Слово Исихия «О Христове Рождении» в ряде греческих списков сопровождают предполагаемое им ядро Изборника 1073 г., «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита [Бибиков, 1996. С. 70].

¹⁰ Оглавление Архивского сборника приведено в предисловии к «Летописцу русских царей», изданному К. М. Оболенским. См.: [Летописец Переяславля-Суздальского..., 1851. С. DLXXXII].

¹¹ Русские тексты XI–XVIII книг Хроники Малалы известны по обеим редакциям Еллинского и Римского летописца. Таким образом, выходит, что известный по Архивской и Виленской рукописям хронограф, где отсутствует XVIII книга Хроники, не мог служить для летописца прямым источником цитат. Это побуждает предположить иной характер взаимоотношений Иудейского хронографа с волынским летописанием. Более вероятной нам представляется гипотеза о параллельной работе над хронографической компиляцией и летописью [Вилкул, 2009. Р. 85].

труда («**Вся же лета спишемь, росчетше в задняя**») предполагало бы скорее присоединение отдельной хронологической таблицы в конце повествования, а не переработку всего текста с целью внесения годовых датировок¹². Именно такую возможность допускал М. Д. Приселков [1996. С. 293].

Кроме того, как было показано выше, Хроника Иоанна Малалы ничего не сообщает о синхронизации различных хронологических систем (греко-римской и восточных) Евсевием Кесарийским, упоминая только его «символический» метод счисления лет (расчет лет от Адама до Христа)¹³. Тогда как автор Летописи Волынских Мономаховичей среди «иных хронографов» выделяет именно Евсевия Памфила. Поэтому знание нашим автором роли Евсевия как основателя хронографического летосчисления не имеет в обязательном порядке своим источником лишь текст Хроники Малалы либо основанной на ней компиляции, где речь идет только о подсчете «премудрыми хронографами» числа лет от Сотворения Адама до Боговоплощения.

Само обещание привести хронологическую таблицу («число летомъ») в отдельном разделе дает основания предполагать представление автора Летописи Волынских Мономаховичей о Хронике (Chronicon) Евсевия, состоявшей из повествовательной части (Chronographia) и синхронистических таблиц (Chronici canones), где приводятся параллельные хронологические таблицы событий по «годам Авраама», олимпиадам и периодам царствований римских императоров. Для того чтобы установить, в каком

виде могла быть известна Хроника Евсевия на Руси в XIII в., требуются дополнительные изыскания. Пока можно предположить, что «Хроника», помимо фрагментов в «Сборнике», могла быть знакома книжнику по греческому¹⁴ оригиналу либо по армянской¹⁵ версии.

Вопрос ориентации автора на Евсевия может быть поставлен и в несколько ином ключе, чем предлагал А. С. Орлов. Следует обратить внимание не столько на источники познаний автора, сколько попытаться интерпретировать его декларацию как своеобразный «литературный жест». Как можно с историко-литературной точки зрения объяснить апелляцию писателя-историка XIII в. к авторитету Евсевия?

Для обоснования своего намерения вести свободное от погодной сетки историческое повествование автор ссылается на авторитет «хронографов», которым надлежит описывать события в их прагматической связи. Эта установка, как нам представляется, может объяснить свободное обращение автора с источниками.

С большей или меньшей степенью доказательности исследователями были установлены источники третьей части Ипатьевской летописи, среди которых называются источники, в своем оригинальном виде представлявшие собой летописи, разбитые на традиционные погодные статьи. Так, в распоряжении автора Летописи Волынских Мономаховичей мог быть летописный источник киевского происхождения¹⁶. А. Ю. Бородиным было установлено привлечение владимирского свода Ярослава Всеволодови-

¹² Как это было сделано редактором Ипатьевского списка.

¹³ К тому же у Иоанна Малалы, при перечислении известных ему хронологических расчетов, Евсевий Кесарийский упоминается во вторую очередь, после Климента Александрийского, Тимофея и Феофила [Истрин, 1994. С. 260, 358]. Так, в начале XVIII книги исчисление лет от Адама до начала консульства Юстиниана по Феофилу и Тимофею (в греческом тексте по Боннскому изданию – 6497, в русском переводе по Еллинскому летописцу – 6407) Малала считает более точным, чем счисление Евсевия (соответственно 6432 и 6032). В этом месте [Ioannis Malalae Chronographia, 1831. P. 428] древнерусский перевод Малалы полнее, чем текст Хроники по Оксфордскому списку. Характер и объем интерполяций в Хронике Малалы требует отдельной разработки в тесной связи с проблемой интерполяций в других древнерусских переводах (прежде всего, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия).

¹⁴ Во всяком случае, знание автором как лицом духовным греческого языка нам представляется несомненным. Об употреблении греческого языка на Руси XIII в. в богослужении свидетельствует Житие Петра царевича Ордынского, в котором описываются службы в ростовской церкви, где царевич услышал «**пения доврогласныя, яко же ангельска: ве во тогда в церкви святыя Богородица левыи клирос греческы пояху, а правыи рускы**» [Русские повести..., 1958. С. 99].

¹⁵ Армянская община довольно рано сформировалась на Волыни. С XIV в. существовал каменный армянский храм во Львове. Кроме того, именно в «Канонах» армянской версии Хроники Евсевия годы олимпиад прямо синхронизированы с високосными годами юлианского календаря [Болотов, 1907. С. 148].

¹⁶ А. А. Шахматов связывал его с Михаилом Черниговским, В. Т. Пашуто – с дворами Ростиславичей, княживших в Киеве после Рюрика Ростиславича.

ча¹⁷. По всей видимости, в распоряжении автора были и местные летописные материалы (возможно, княжеские или епископские летописцы Владимира Волынского). К источнику такого рода, в частности, могут восходить вплетенные в общий строй повествования эпизоды войн с литовцами и ятвягами на окраинах Волыни (Ипат., 721, 751, 776, 797–800, 808). Множество подробностей – названия волынских городов, имена павших русских воевод, количество убитых ятвяжских и литовских вождей – позволяют предположить здесь отражение текущего местного летописания. Замечания автора от первого лица указывают на использование обильных сведений из подобного источника: «...и в ина времена Божию милостью избъени быша поганин, их же не хотяхом писати от множества ради» (Ипат., 800).

Существование погодного владимирского летописания может косвенно доказываться приведением срока правлений волынских (княжение Владимира Васильковича длилось 25 лет) и литовских (Тройден княжил в Литве 12 лет) князей. Предположим, что этот источник мог содержать дату смерти Шварна Даниловича, о сроке княжения которого автор замечает, что тот «княживъ же немного лет» (Ипат., 869). Пользуясь его данными, летописец мог подсчитать срок правления Тройдена, сменившего Шварна на литовском княжении.

Таким образом, избранная автором форма повествования была, прежде всего, обусловлена сознательным выбором жанра, а не вызвана недостатком датировок в имевшихся в его распоряжении источниках. При составлении своего труда перед автором стояла та же задача, что перед самим Евсевием Кесарийским, который писал в предисловии к первой книге «Церковной истории»: «...Все, что в их там и сям рассеянных воспоминаниях (здесь Евсевий имеет в виду свидетельства своих предшественников. – В. П.) я сочту полезным для поставленной себе цели, я соберу; словно на лугу духовном, я, как цветы, подбираю у старых писателей нужные мне сведения и стараюсь предста-

вить их в историческом повествовании как нечто цельное» [Евсевий Памфил, 2005. С. 12]. Автор Летописи Волынских Мономаховичей в ходе работы над сочинением столкнулся с необходимостью в собственной последовательности рассказать о событиях, известных как по устным, так и по письменным источникам. Особое внимание автора к лежавшему четыре года в болезни Владимиру Васильковичу может свидетельствовать о привлечении автором и воспоминаний князя как участника событий.

Литературная позиция книжника вписывается, как нам представляется, в единую традицию классической хронистики, где «редкий автор раннесредневековой хроники в предисловии к своему сочинению не воздавал хвалу Евсевию как родоначальнику жанра» [Тюленев, 2005. С. 75]. Так, на Хронику Евсевия как на литературный образец указывал в предисловии к своей «Хронографии» XII в. валлонский монах Сигеберт [Вайнштейн, 1964. С. 153]. Ранее на авторитет Евсевия в хронологии ссылался Григорий Турский¹⁸.

Французский культуролог и историк Бернар Гене писал о понимании жанра «истории» на латинском Западе: «В “истории” приоритет был отдан повествованию. Разумеется, историк всегда почитал своим долгом придерживаться хронологического порядка. Но от него не ожидали точных дат, и он их практически никогда не давал. Зато его повествование было возвышенно и развивалось по всем правилам риторики. Историям обязательно была присуща *prolixitas* (протяженность), точно так же как хроникам *brevitas* (краткость). Так, историки, наиболее верные традиции, восходившей к Евсевию Кесарийскому, четко разграничивали <...> истории, в которых темы исследовались глубоко, и хроники, основной задачей которых было отметить время и вкратце изложить события» [Гене, 2002. С. 238]. Обращение к наследию Евсевия свидетельствует о том, что автор Летописи Волынских Мономаховичей понимал жанр «истории» в той

¹⁷ Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батыя в летописных и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1989 (машинопись). С. 114.

¹⁸ «О летосчислении же мира сего и о подсчете всей последовательности лет ясно изложено в Хрониках Евсевия, епископа Кесарийского, и Иеронима-пресвитера» [Григорий Турский, 1987. С. 8]. Следует отметить, что западноевропейские хронисты воспринимали наследие Евсевия, как правило, через посредство блаж. Иеронима.

же интерпретации, что и западные средневековые писатели¹⁹. Следуя сознательному выбору жанра, автор повествует об истории почти трех поколений княжеского рода со времен детских лет Даниила и Василька Романовичей. Жанрово обусловлена гибкая временная структура сочинения, изложение событий по авторскому плану, а не по ряду годовых статей.

А. А. Шахматов писал, что русское летописание, используя Никифоров «Летописец вскорее», восприняло хронологию и форму годовых статей. В XIII в. на Волыни, в первую очередь при дворе Владимира Васильковича, происходит активное обращение к классическому литературному наследию. С использованием ранних русских переводов хроники Малалы, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и других переводных сочинений во второй половине XIII в. создается протограф Архивского и Виленского списков хронографов. В этом контексте становится понятной ориентация автора Летописи Волынских Мономаховичей на Евсевия Кесарийского. Печерский игумен Агапит, которого мы считаем автором всего произведения [Подопригора, 2014. С. 14], отходит от традиций XII в., обращаясь к авторитету Евсевия, что объясняет избранную им форму организации исторического повествования и отражает предвозрожденческие тенденции в литературном процессе эпохи.

Список литературы

Аристов В. Ю. Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2013. № 1. Январь-июнь. С. 105–129.

Бибииков М. В. Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М.: Памятники исторической мысли, 1996.

¹⁹ Представление об истории как жанре было известно и в русской традиции. См. толкование в Азбуковниках: «История – книга, содержащая в себе иже в древних временах бывших деяний исповедание, подобно хронографу, кроме летного числа времени» (цит. по: [Дергачева-Скоп, 2002. С. 7]).

Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. СПб., 1907. Т. 1.

Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964.

Вилкул Т. Л. Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // *Palaeoslavica*. Cambridge. MA. 2009. Vol. 17. No. 2. P. 69–86.

Гене Б. История и историческая культура Средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Дергачева-Скоп Е. И. Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2002. Т. 1, вып. 1: Филология. С. 3–12.

Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // *Изв. Отд-ния русского языка и словесности Академии наук*. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126.

Подопригора В. В. К проблеме авторства Летописи Волынских Мономаховичей // *Материалы 52-й Междунар. науч. студ. конф. МНСК-2014: Литературоведение / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2014. С. 13–14.*

Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии // *Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 283–302.

Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. 228 с.

Список источников

Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1987.

Евсевий Памфил. Церковная история / Евсевий Памфил; [предисл., коммент. С. Ершова]. СПб.: Амфора, 2005. 491 с.

Изборник Великого князя Святослава Ярославича 1073 года / ОЛДП. СПб., 1880 [фототип. изд.].

Истрин В. М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринтное издание материалов В. М. Истрина / Подгот., вступ. ст., прилож. М. И. Чернышевой. М.: Джон Уайли энд Санз, 1994. 473 с.

Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219). М., 1851.

ПСРЛ. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 2: Ипатьевская летопись. 648 с.

Русские повести XV–XVI веков / Сост.
М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958.
Ioannis Malalae Chronographia. Ex rec. L.
Dindorfii. Bonnae, 1831.

Migne J.-P. Patrologiae cursus completus.
Series Graeca. P., 1865. Vol. 92: Chronicon
Paschale. Col. 9–1160.

Материал поступил в редколлегию 30.10.2014

V. V. Podoprigora

**REGARDING THE INTERPRETATION OF LITERARY DECLARATION
IN VOLYNIAN MONOMAKHOVICH'S CHRONICLE**

The article deals with analysis of authorial declaration in Volynian Monomakhovich's Chronicle included in Hypatian codex (which is traditionally known as «Galician Volynian chronicle»). In this passage different calendar epochs (Julian Calendar, Greek Olympiad System, Antiochian era) are recapitulated and Eusebius of Caesarea (Eusebius Pamphili) is mentioned. Interpretation of the fragment was difficult for the scholars for a great while. Academician Orlov, who attempted to identify some sources of «chronographic» quotations in Hypatian chronicle, considered chronicler's knowledge about the name of Eusebius Pamphili and systems of chronology to relate with John Malalas' Chronographia. Through analysis of references to Eusebius in the Slavonic text of Chronographia is argued that it could not serve as only source of knowledge about Eusebius' work to the medieval Russian writer. John Malalas attributed to Eusebius traditional theological method of chronology only, comprising in parallels of six days of Creation to the six millenaries of human history before Christ. In the article interpretation of author's appeal to authority of Eusebius is proposed in terms of literary history. This appeal is closely related to author's comprehension of genre specificity of the created historical narration. The author, who used both scribed sources (chronicles with typical annual composition) and oral reminiscences of Volynian prince Vladimir Vasilkovich, consciously chose for his work genre form of «history». Appeal to the classical heritage for both Western, and Slavic literature is considered as evidence of unity of medieval historiographical tradition.

Keywords: Volynian Monomakhovich's chronicle, author's individuality, genre, Eusebius of Caesarea.